

мосской легенде «Как острова произошли» возникновение островов объясняется борьбой и падением в море птиц — великанов и богатырей.

Среди произведений, включенных в сборник, заслуживает внимания эскимосское предание «Виютку предводитель» о борьбе чукчей и эскимосов с коряками (тангъитами). Объединившиеся приморские жители, по этому преданию, разбили нападавших на них коряков. По совету своего предводителя приморские натравили своих собак на ездовых оленей врагов и затем разбили нападающих. Заканчивается предание описанием похода приморских воинов в землю тангъитов.

Из волшебных сказок сборника о великанах, богатырях, необыкновенных приключениях выделяется занимательностью эскимосская сказка «Каяксигвик» о похождениях охотника, попавшего к маленьким людям, оказавшимся куропатками. Мышь для них медведь, кунница — лось.

Интересные сказки посвящены популярным героям коряков — проказнику Куйкыняку, выступающему то в виде человека, то в виде ворона, Мивиту — человеку-великану. Богато представлены в сборнике сказки о животных. Глуповатый и трусливый медведь — частый герой чукотских сказок. В сказке «Как медведь бесхвостым стал» лось отрывает у трусливого медведя хвост. Медведя обманывают не только человек, но и лиса, песец, евражка. Герой эскимосских сказок о животных — храбрый заяц. В сказке «Заяц победитель» он похищает у чертей солнце и луну. Следует отметить, что темы и сюжеты ряда чукотских и эскимосских сказок о животных: война между птицами («Сказка о журавельке»), соревнование в беге между рыбами и лосем («Лось и бычок»), спор между лисой и медведем («Рассказчики»), вопросы и ответы («Мышка и птичка»), проделки лисы («Хитрая лиса») и другие широко распространены по Северу. Глубокое влияние на фольклор народов крайнего северо-востока Сибири оказали русские сказочные традиции. О творческом восприятии русских сказок свидетельствуют чукотская сказка «Лиса и ворон», эскимосская «Пять братьев», отдельные эпизоды из корякской сказки «Собиратель лахтачего жира» и другие.

Разнообразный сказочный материал сборника представляет несомненный интерес не только для массового читателя, но также и для фольклористов и этнографов.

К сожалению, ценность сборника несколько снижается рядом существенных недостатков. Материал в сборнике расположен бессистемно. Составитель не придерживался ни этнического, ни жанрового принципа. Для того чтобы узнать, какому народу принадлежит сказка, читателю приходится обращаться к примечаниям, помещенным в конце книги. Отдельные сказки подверглись в сборнике излишней литературной обработке. Эскимосская сказка «Добрая лисичка» лишилась второй части (чудесное бегство героини), свидетельствующей о проникновении русских сказочных мотивов в фольклор эскимосов¹. Недостаточно представлены в сборнике корякские сказки. Излишней краткостью отличаются примечания. Сведения о сказителях ограничиваются фамилиями. Только в двух случаях указан возраст сказочников. Почти отсутствуют в комментарии данные о характере бытования отдельных произведений. Приходится пожалеть, что в сборнике, рассчитанном на массового советского читателя, редакция ничего не сообщила о современной жизни народов крайнего северо-востока Сибири, не дала даже краткой характеристики их фольклора.

Несмотря на отмеченные недостатки, сборник является положительным вкладом в дело популяризации устного творчества чукчей, эскимосов и коряков.

И. Гурвич

СБОРНИКИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Таджикский народный юмор. Собрал А. Дехоти. Перевод Клавдии Улуг-заде, под редакцией П. Лукинцкого. Госиздат Таджикской ССР, Сталинабад, 1947.

Таджикские сказки. Перевод и обработка Клавдии Улуг-Заде. Под редакцией Сергея Бородина и Веры Смирновой. Таджикгосиздат, Сталинабад, 1949.

Таджикские народные сказки. Составила и перевела К. Улуг-Заде под редакцией Веры Смирновой. М.—Л., 1950.

После первого сборника таджикских сказок на русском языке, выпущенного Институтом истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР в 1945 г.^{1а} советский читатель получил еще три новых сборника на русском языке. За это же время на таджикском языке вышло (1948) второе, дополненное и исправленное издание (первое издание было выпущено в 1938 г.) сборника «Латифаҳои тоҷики» — народных анекдотов, коротких рассказов, собранных известным таджикским поэтом А. Дехоти. К сожалению, до сих пор на таджикском языке не издано ни одного сборника сказок, хотя даже по имеющимся теперь публикациям на русском языке можно составить представление об исключительном богатстве и разнообразии этого жанра таджикского народного творчества.

Сборнику «Таджикский народный юмор» предпослано небольшое предисловие

¹ Сказка «Добрая лисичка» помещена без сокращений в сб. «Эскимосские сказки», Л., 1939. Сост. Г. Меновщиков.

^{1а} Рецензию см. «Советская этнография», т. I, 1947.

С. Улуг-заде, в котором характеризуется самый жанр таджикского сатирического короткого рассказа — латифа. Большая часть этих рассказов приписывается широко известному на Востоке Мулле Насреддину (Насреддин Афанди, Ходжа Насреддин), а также таджикскому поэту-сатирику XVI в. Мушфики. С. Улуг-заде пишет, что объектами самой злой насмешки становились представители светской и духовной власти дореволюционного времени: «слабоумный самодержец и его тупые, жестокие придворные; невежественный ханжа — мулла; льстивые и продажные чиновники, судья — крючкотворец и взяточник; скряги-богачи разных толков; ростовщики и прочая знать феодального строя». Всем им противопоставляется Афанди, Мулла Насреддин — сообразительный, находчивый, обладающий здравым смыслом и большим запасом житейской мудрости. Мулла Насреддин всегда на стороне народа, он выразитель народной мудрости, смекалки и всегда выходит победителем, разя своих противников острым оружием злой насмешки. Латифа очень разнообразны. Большую группу составляют также латифа, в которых высмеиваются разного рода людские пороки — глупость, лень, лживость, трусость, малодушие, бесплодная мечтательность и другие.

Сборник разбит на три части соответственно с тем, кому приписывается тот или иной рассказ: «Мушфики», «Насреддин Афанди» и «Народ рассказывает». Каждая часть в свою очередь разбита на более мелкие разделы. Первый раздел: «Встречи с падишахом», «Правая вера». «Ответы по существу». Второй раздел: «Перед сильными его мира», «В судейской должности», «В своем кишлаке и дома». Третий раздел: «О повелителе и его дворе», «О типах старого быта», «Будничные истории». Всех рассказов в сборнике 106.

Как нам представляется, принцип распределения материала в упоминавшемся выше сборнике на таджикском языке более правильный, и очень жаль, что переводчица не повторила его. Дехоти — составитель сборника на таджикском языке — распределил все латифа по содержанию, и читателю гораздо легче разобраться в материале при таком построении. В этом сборнике всего восемь разделов. Первый — посвящен рассказам, направленным против угнетения, деспотизма, невежества эмиров и их приближенных; второй раздел высмеивает хитрость и лицемерие духовенства и всякого рода суеверия; третий раздел направлен против невежественных лекарей — табибов; в четвертом разделе помещены латифа, остро высмеивающие баев, ростовщиков, богатеев; в пятом разделе высмеиваются людские недостатки, которые могут быть исправлены; в шестом разделе — сатира против пороков старого быта, таких как онекурение; в седьмом разделе — рассказы о животных и в восьмом — рассказы, рожденные в дни Великой Отечественной войны, высмеивающие Гитлера и его грабительскую армию. Дехоти каждому рассказу дал короткое яркое заглавие, раскрывающее самую суть латифа. Переводчица этих латифа К. Улуг-заде постаралась передать на русском языке их сатирическую заостренность. Однако, стремясь сохранить национальный колорит латифа, переводчица иногда использовала русские архаические выражения или обороты речи, отчего оказалась утраченной легкость оригинала. Особенно это сказалось на переводе заголовков, которые часто вообще непонятны, как, например, «Беседа на волосе», или очень тяжеловесны: «Жалостливое воспоминание», «Правильное местоположение», «Шашлык по поводу светопреставления», «Распространение справедливости», «Боговосхваления продавца халвы». Таджикский оригинал не дает никаких оснований для таких переводов, и именно задача редактора русского перевода и заключалась в том, чтобы избежать всяких стилистических погрешностей и, не искажая оригинала, помочь переводчику передать средствами русского языка динамичность и ясность остроумных таджикских латифа.

Вопрос о редакторе книги и в особенности редакторе переводной книги имеет первостепенное значение. К сожалению, редактор перевода часто не знает того языка, с которого книга переводилась, и, исправляя русский текст, очень далеко отходит от оригинала. Именно такая судьба постигла второй сборник «Таджикских сказок». Если составителя первого сборника «Таджикских сказок» Б. Ниязмухаммедова, а главное редакторов сборника справедливо упрекали в том, что они недостаточно поработали над языком перевода, то редакторы второго сборника — Сергей Бородин и Вера Смирнова — в этом отношении поступили совершенно произвольно, настолько «олигатурный» редактируемые ими сказки, что они потеряли не только местный колорит, но и вообще сказочный стиль. Это относится и к явлениям быта и материальной культуры и пейзажу, к животному и растительному миру. Покажем это на примерах.

В Таджикистане, как известно, не водится птица сойка — принадлежность северной фауны (сказка «Лиса и сойка»). В таджикском быту не употребляется ковш (сказка «Перепелка и лиса»), так же как нет у таджиков простокваши (сказка «Аист — божье дитя»), а есть густое кислое молоко, приготовляемое из кипяченого молока с закваской. В результате от местного колорита остались лишь имена собственные, но и они иногда приводятся не в их таджикской форме, как, например, Гафиз, звучащее по-таджикски Хафиз. Даже широко употребляемое в русском языке слово кишлак и то редакторы сочли нужным передать через слово деревня или селение. Объединив таким образом перевод, редакторы допустили весьма грубые ошибки с точки зрения русского языка и стиля: «Он дернул удочку и увидел, что поймалась (!) цветочная рыбка» (стр. 93); «Однажды перепелка встретила лису. Лиса поймала (а не схватила!) перепелку (стр. 24): «Жил-был когда-то волк. Ему не везло в жизни». В переводах встречаются такие уменьшительные названия животных,

как «лисанька», свойственные не таджикскому языку, а русскому. Вообще же весь язык сказок очень далек от привычного языка сказочного жанра.

В небольшом предисловии к сборнику от издательства указывается, что «...настоящее издание, хотя и не ставит перед собой чисто научных задач, в известной степени должно восполнить пробел в области публикации таджикской народной сказки». Несколькими строками выше говорится, что «некоторые сказки при переводе подверглись частичной обработке с учетом различных вариантов этих сказок». Следовательно, научная ценность этих сказок действительно невысокая, так как читателю трудно разобраться, какие же из приведенных сказок являются оригинальными и какие подверглись «частичной обработке с учетом различных вариантов». Несомненно, значение этих сказок для самого широкого круга советских читателей, любящих сказку, было бы гораздо выше, если бы редакторы более бережно отнеслись к издаваемым на русском языке сказкам. Сборник охватывает 37 сказок, которые разбиты на три раздела: Сказки о животных, Забавные сказки и Волшебные сказки. Нужно отметить, что значительная часть этих сказок вошла в упоминавшийся выше сборник, изданный Б. Ниязмухаммедовым. Книга хорошо оформлена художником П. Зобниным и в этом отношении отличается от сборника «Таджикский народный юмор», безвкусно иллюстрированной художником Орловым.

Третий рецензируемый нами сборник «Таджикские народные сказки», предназначенный для младшего и среднего возраста, во многом выгодно отличается от двух вышеперассмотренных переводов образов таджикского народного творчества, изданных в Сталинабаде. Прежде всего обращает на себя внимание хорошее художественное оформление книги (худ. Л. Фейнберг). Чудесная таджикская природа, утопающие в зелени кишлаки, самобытный национальный костюм, характерный жест, поза переданы очень верно, реалистично и как бы дополняют содержание книги.

В книгу вошли те же сказки, которые были включены в издание «Таджикские сказки» (1949), но насколько отличен их перевод! Переводчица К. Улуг-Заде и редактор Вера Смирнова значительно переработали свое первое издание, отчего оно намного выиграло. За исключением небольших погрешностей («слетай же вниз» — говорит в одной сказке шакал курице — стр. 18), русский перевод отличается хорошим, легким языком, большой динамичностью и дает действительное представление о чудесных таджикских сказках.

Обращает на себя внимание поэтическая сказка «Баходур и Зарина», не вошедшая ни в один из более ранних сборников сказок. Как справедливо считает автор предисловия К. Улуг-Заде, «в этой сказке несомненно выражена многовековая мечта таджиков о воде». Два народа прорывают канал через высокую гору и вода дает жизнь безводной пустыне. Это сказка о мужестве и любви, о победе человека над злыми силами природы.

Таджикские сказки отличаются остроумным сюжетом, занимательны, поэтичны. «Много мудрых мыслей народа читатель найдет в таджикских сказках, — пишет в заключении предисловия составитель книги. — Уважение к родителям, забота о добром, честном имени, уважение к труду, презрение к бездельникам и тунеядцам, стремление вступить за обиженного и обездоленного, бесстрашие перед грозными силами природы, любознательность, любовь к животным, которые служат человеку — вот чему учат эти сказки».

Составитель и редактор сборника, как мне представляется, в данном случае правильно решили и вопрос о национальном, местном колорите сказок. Правильно переданы имена собственные, введены некоторые таджикские слова, которые либо поясняются в тексте, либо в сносках, но это несколько не затрудняет читателя: кишлак — селение, табиб — лекарь, хурджин — переметная сума, дехкане — крестьяне, кокуль — кошечка, хауз — пруд, див — чудовище и многие другие.

Второе издание сказок (1950 г.) может служить примером того, что на русский язык, обладающий исключительным богатством выразительных средств, можно передать любое произведение национальной литературы, сохранив всю его прелесть.

В заключение хочется пожелать Таджикскому государственному издательству поскорее издать таджикские народные сказки прежде всего на таджикском языке, ибо, как указывается в предисловии к сборнику «Таджикские сказки», Государственное издательство совместно с Союзом советских писателей Таджикистана в течение ряда лет проводили записи народных сказок в различных районах республики. Также должны быть изданы богатые фонды народных сказок, имеющиеся в Таджикском филиале Академии Наук. Вместе с тем необходимо продолжать публикацию таджикских сказок и на русском языке, однако с учетом того, что говорилось выше.

А. З. Розенфельд

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Дж. Вайян, *История ацтеков*. Перевод с англ. М. И. Баранович, под ред. и с предисловием акад. В. В. Струве. Примечания и дополнения Р. В. Кинжалова. Изд-во иностранной литературы, М., 1949.

В советской исторической литературе почти отсутствуют работы, посвященные древним народам Центральной Америки. Поэтому перевод книги американского археолога Дж. Вайяна (G. C. Vaillant) является весьма своевременным. «История ацте-